

Немет Золтан,
аспирант Сегедского университета,
Венгрия
nzolee@gmail.com

Взаимосвязь форм вежливого обращения и неочевидного прошедшего времени в современном удмуртском языке

Аннотация. Цель доклада – установить, использует ли современная удмуртская молодёжь формы неочевидного прошедшего времени глагола в ситуациях, требующих учтивости (в данном случае при извинениях), и если да, то встречаются ли какие-либо отличия в дискурсе носителей северного и южного диалектов удмуртского языка. Исследование проведено на основе фактологического материала, собранного в результате опроса студентов Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики в 2017 году.

Ключевые слова: удмурт, вежливость, социо-прагматика.

Zoltán Németh,
graduate student of Szeged University
nzolee@gmail.com

The connections of politeness and the unwitnessed past in the contemporary udmurt language

Summary. The aim of this paper is to find out, whether young Udmurts use the unwitnessed past in situations of politeness (in this given case, in apologizing), and if they do, then is it possible to observe any kind of difference between the speakers of the Northern and the Southern dialects. The results of this research are based on fieldwork done in October 2017 among the students of the Institute of Udmurt Philology, Finno-Ugristics and Journalism of the Udmurt State University.

Key words: Udmurt, politeness, sociolinguistics.

Цель исследования – определить, существует ли какая-либо разница в использовании эвиденциальной системы удмуртского языка среди студентов университета, которые говорят на южном и северном

диалектах удмуртского языка в ситуациях вежливости. Исследование построено на опросах, проведённых мной с носителями языка, какие формы они используют при ситуациях, требующих учтивости (точнее – при извинениях). Гипотеза исследования заключается в том, что использование этих грамматических элементов в этих ситуациях станет присуще в большей степени для носителей южного диалекта, в котором проявляется сильное влияние татарского языка (Edygarova-Mantel 2014: 4), (и где присутствует грамматическая эвиденциальность), чем представителям северного диалекта где гораздо сильнее влияние русского языка (Edygarova-Mantel 2014: 4) (в котором отсутствует грамматическая эвиденциальность).

Грамматическая эвиденциальность является языковым маркером для источника и типа информации (Aikhenvald 2004: 3). В некотором смысле, каждый язык может ссылаться на источник информации (например, используя лексемы), но не все языки содержат грамматизированный элемент, основная функция которого – кодировать источник информации. В языках, в которых такие грамматизированные элементы могут присутствовать, эвиденциальность обычно представлена в глагольной парадигме.

Потенциальные источники информации, выраженные посредством эвиденциальности, в научной литературе классифицируются по различным критериям (см. Willett 1988, Aikhenvald 2004, 2014, Plungian 2010). Наиболее распространенная классификация различает прямые и косвенные источники информации (Willett 1988: 57). В этом исследовании я использую типологию Айхенвальд (2004, 2014), чтобы описать источники информации (иначе – семантические параметры эвиденциальности). Согласно данной теории самым прямым источником информации является визуальное восприятие, во многих языках при этом прямым источником информации признают и не визуальное восприятие (слух, обоняние, касание). Косвенным источником информации является вывод, основанный на результате действия (иначе инференциальный), презумпция, которая может быть связана с предшествующим знанием, логическим завершением и информацией (слух, прямой вызов, иначе: отчетный и факторный). (Aikhenvald 2004: 9)

Маркеры эвиденциальности (в особенности кодирующие косвенный источник информации) в ряде систем могут включать в себя и другие значения, помимо ссылки на источник информации. Эти допол-

нительные значения часто проявляются только в определенном грамматическом окружении, например, при некоторых наклонениях глагола, типе предложения, в числе или лице. Из других возможных значений эвиденциальности кратко описаны только наиболее типичные: эпистематичность, миративность, неконтролируемость и вежливость.

Согласно классификации Айхенвальд, удмуртский язык имеет двухуровневую систему эвиденциальности (Aikhenvald 2004: 28). Эвиденциальность удмуртского языка связана воедино с категорией времени и проявляется только в прошедшем времени. В его системе информация, полученная из первых рук и опосредованно, помечена самостоятельным грамматическим элементом (Skribnik & Kehayov 2018: 539). Таким образом, как правило, в случае небольших систем эвиденциальности один маркер охватывает несколько семантических параметров (Aikhenvald 2004: 65). В удмуртском языке формирование системы эвиденциальности произошло под непосредственным влиянием окружающих его тюркских (чувашского, татарского, башкирского) языков (Kozmács 2008: 172).

В научной литературе, как правило, отмечается, что эвиденциальность, отражающая полученную из первых рук информацию, соотносится с первым прошедшим временем, в то время как информация, полученная не из первых рук, выражается формой второго прошедшего времени. Первое прошедшее время используется, когда информация получена визуально или когда речь заходит об аутентичных знаниях (например, исторических фактах). Второе прошедшее охватывает семантические параметры вывода, предположения и информации. В случае непосредственных обращений обычно используется не второе прошедшее время, а квотативная/модальная частица *пе* (Leiponen 2000, p. 400). Выражающая не из первых рук полученную информацию форма второго прошедшего времени имеет много других значений, которые не связаны главным образом с источником информации. В повествовательных текстах она может присутствовать как особенность жанра, может выражать, неконтролируемость, а также и вежливость (Winkler 2001; Siegl 2004; Kubitsch 2018; Skribnik-Kehayov 2018).

Сбор данных проводился в октябре 2017 года благодаря стипендии Campus Mundis в Удмуртском государственном университете. Основная цель исследовательской стажировки состояла в сборе данных для написания докторской диссертации (PhD, тема которой – исследование

вежливости) с использованием анкет CCSARP, которые впервые были использованы Блум Кулкой (1982). Хотя исследование вежливости в настоящее время является актуальной темой, такие исследования на самом деле не проводились на материале финно-угорских языков России. Я использовал перевод вопросника на удмуртский язык, использованного для аналогичных исследований Сили (2013) для студентов венгерского университета, который был проверен лектором удмуртского языка кафедры финно-угроведения Сегедского университета, который является носителем удмуртского языка и превосходно владеет венгерским языком. Однако вопросник, использованный Сили, претерпел некоторые изменения. Для некоторых из них это было необходимо по простой причине – изменение локализации, но было также изменение, которое было необходимо, потому что в исходном вопроснике содержались инструкции, которые могли бы повлиять на полученный ответ (например, Дайте отрицательный ответ!). Таким образом, они были удалены. В настоящем исследовании предметом изучения являются полученные от студентов бакалавриата ответы, выражения, которые используются в ситуациях, когда нужно попросить прощения.

Однако как перед информантами, так и перед самим исследованием необходимо уточнить, что именно подразумевается под вежливостью и извинениями. Что касается вежливости, то известны две основные теории. Теория Лича (1983), основанная на максимах Грайса (1975), и Брауна и Левинсона (1987), используемая также и мной, основана на теории образа Гоффмана (1967). Согласно этой теории, каждый человек имеет позитивный и негативный образ. Отрицательный олицетворяет его желание действовать автономно, выражая свою свободную волю, и позитивный, чтобы другие позитивно оценивали его действия. О вежливости речь идёт в том случае, если говорящий пытается поступить таким образом, чтобы в результате его действий лицо, образ собеседника изменился в наименьшей степени, в том числе и за счёт собственных изменений. Поскольку мы говорим об извинительных ситуациях, мы должны упомянуть имя Foley (1997); он отмечает, что вежливость – это акт, который нацелен на то, чтобы обе стороны должным образом чувствовали себя знакомым, признанным. Эта идея имеет первостепенное значение, поскольку согласно Блум-Кулке и Хаусу (1989: 20) извинения – это речевой акт, в котором цель говорящего заключается в восстановлении гармонии, которую он нарушил.

Моими информантами являлись студенты Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Удмуртского государственного университета, обучающиеся по специальности «Филология» и «Педагогическое образование». В настоящем исследовании были проанализированы ответы 74-х информантов. Большинство респондентов были девушками, поскольку и в институте в целом большинство студентов – девушки. 26 респондентов – представители северного диалекта, 48 человек – южного диалекта.

Определение диалектной принадлежности респондентов было произведено согласно классификации Кельмакова (2006: 42–43). Он выделяет 4 диалекта: северный, южный, срединный и бесермянский, но для нас сейчас актуальны первые два. Южный диалект распространён в районах Удмуртии, обозначенных кружочками, а также в соседних территориях Татарстана, Башкортостана, Марий-Эл, Кировской области, Пермского края, Свердловской области, северный же – в районах, обозначенных квадратиком, а также в некоторых районах Кировской области. Расхождения с классификацией Кельмакова проявляются только в том, что в некоторых случаях к диалекту принадлежит северная или южная часть района, но точная граница не обозначена, поэтому были учтены в таких случаях районы полностью, как принадлежащие этому диалекту. По моему мнению, это не составляет проблему, поскольку нет ни одного случая, когда северная часть района относилась бы к северному диалекту, а южная часть района – к южному диалекту.

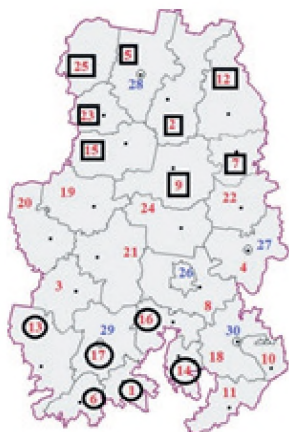

Рис. 1. Карта районов Удмуртии

Извинительные ситуации были исследованы следующим образом. Надо было искать ответы, в которых глагол представлен в прошедшем времени, и затем анализировали, содержит ли глагол какое-либо семантическое свойство, имеющее значение эвиденциальности. Если да, то предложение помечалось как потенциальное пространство для использования второго прошедшего времени. После этого надо было смотреть, действительно ли второе прошедшее было использовано респондентом, если да, то тогда ставили еще одну пометку. Затем, используя возможности программы Excel, было подсчитано, в какой пропорции находится фактическое использование с потенциальными возможностями. Проанализировав всю полученную от респондентов информацию, было постулировано следующее:

- В скольких случаях использование эвиденциальных форм достигло 100% результата?
- Сколько случаев, когда информант ни разу не использовал формы эвиденциальности?
- Исходя из всех потенциальных возможностей и учитывая все фактические применения, надо было найти процентное соотношение использования респондентами форм эвиденциальности.
- Количество потенциальных возможностей, делённое на количество респондентов данного диалекта, может указывать, как часто говорящие формируют свои предложения таким образом, чтобы позволить использовать формы эвиденциальности.

На основе полученных ответов респондентов, носителей южного диалекта, можно сделать следующие выводы: 5 респондентов использовали эвиденциальность во всех возможных местах; 11 не использовали ни разу, в среднем в 42% потенциальных мест использовали эвиденциальность для проявления вежливости и значение потенциальной возможности на человека равно 3,64. Для сравнения, среди представителей северного диалекта был всего лишь 1 человек, который во всех возможных местах использовал второе прошедшее время, 11 – вообще не использовали, в целом данную форму глагола использовали в 20,5% случаев, в среднем 4,16 было значение потенциальной возможности. Таким образом, хотя носители северного диалекта создали немного больше ситуаций, в которых использование второго прошедшего времени могло бы быть возможным, тем не менее, тех, кто использовал эту возможность, было в два раза меньше, чем представителей южного диалекта.

Гипотеза подтвердилась, результаты исследования соответствуют ожиданиям. В основном студенты, представители южного диалекта, использовали второе прошедшее время в качестве стратегии вежливости. Это объясняется тем, что в отношении говорящих на южном диалекте проявляется большее влияние татарского языка, которому присуща грамматическая эвиденциальность, в то время как на северный диалект повлиял русский язык, который, в свою очередь, не имеет этого атрибута. На основании результатов вправе предположить, что, хотя они и используют данную форму глагола для выражения вежливости, его нельзя считать методом конвенционализации.

Список литературы

1. Aikhenvald, A Y 2004, *Evidentiality*, Oxford University Press, Oxford.
2. Aikhenvald, A Y 2014, 'Evidentials: their links with other grammatical categories', *Linguistic Typology*, vol. 19, no. 2, pp. 239–77.
3. Blum-Kulka, S 1982, 'Learning to Say What You Mean in a Second Language: A Study of the Speech Act Performance of Learners of Hebrew as a Second Language', *Applied Linguistics*, vol. 3, no. 1, pp. 29–59.
4. Blum-Kulka, S & House, J 1989, *Cross-Cultural Pragmatics: Requests and Apologies*, Ablex Publishing Corporation, Norwood, New Jersey.
5. Brown, P & Levinson, S C 1987, *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge University Press, Cambridge.
6. Edygarova-Mantel, S 2014, 'The varieties of the modern Udmurt language', *Finnisch-Ugrische Forschungen*, vol. 62, pp. 376–398.
7. Foley, W 1997, *Anthropological Linguistics: An introduction*, Blackwell.
8. Goffman, E 1967, *Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior*, Doubleday, New York.
9. Grice, P 1975, 'Logic and conversation', in: Cole, P & Morgan, J L (szerk.) *Syntax and semantics 3: Speech acts*, Academic Press, New York, pp. 41–58.
11. Karta rayonov udmurtii: https://hu.wikipedia.org/wiki/Udmurtföld#/media/File:Regions_of_Udmurtia.png
12. Kel'makov, V K 2006, *Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii*. Izdatel'skij dom «Udmurtskij Universitet, Iževsk.
13. Kozmács, I 2008, *Az -sk- képző az udmurt (votják) igeképzés rendszerében*, Nyitra.
14. Kubitsch, R 2018, 'Evidencialitás a mai udmurt nyelvben' in Schiebl Gy (szerk.) *Lingdok 20. konferenciakötet*, Szegedi Tudományegyetem, Nyelvtudományi Doktori Iskola, Szeged, pp. 251-70.